

НАКАНУНЕ

Литературное приложение

под редакцией гр. А. Н. ТОЛСТОГО

№ 57

СОДЕРЖАНИЕ:

Георгий Шторм Янычар — Борис Глубоковский В ночь на 31 февраля —
И. Васильевский (Не-Буква) Белая книга — Stephan Zweig Руссо—воспитатель
общества будущего — Г. Чапур Большая берлинская выставка 1923 г.

Приложение
к № 361

Георгий Шторм

Янычар

Янычаром пугали с детства.

Когда еще мальчонкой — гонял отец Велемир по лугу, жеребят — бабка Секлетеева грозилась:

— Вот ужко придет янычар, он те жеребят погоняет!

И выростало из-под земли чудище, мрачное и свирепое (портки от страха прилипали к телу). Лица нельзя было разглядеть — безликое было чудище. И шагало прямо на Велемира. Дрожал мальчик. Ревом исходил. Да так, что полчаса унимать приходилось и кому? — той же бабке Секлетее — причитальнице.

А потом — снова на луг: сусликов «выливать» из норок, перепелиные гнезда шарить, кубарем по незабудковому полю — бух! А уж к жеребятам — ни-ни — подойти не смеет.

В школе впервые увидал в книжке лицо янычара: черный, горбоносый, в чалме, с кривым ножом-ятаганом. Заревел. — Выдрали. (Учитель слез не любил). А янычар из книжки незаметно вышел и стал преподавателем арифметики. С тех пор от Велемира уже не отставал ни в городе, ни в деревне — следовал всюду.

Другим стал мальчик. Не гомонил, как прежде, ката репьем не мучил, в бабки играть перестал.

Поселилась в нем незаметно любовь к божественному. Раньше, бывало — в церковь не заходишь, а теперь все чаще бывать стал. Сам не молился — на других смотрел. Певчих слушал.

Только часто преображались для него великопостные лики святых в знакомые страшные черты — янычара. Трепетал. Убегал в страхе.

Пошли далее — года в семинарии — буквой, ладаном и кислой капустой пропахший путь к «духовному званию».

Летом — в село приезжал. Жил смиренно и замкнуто. В майские вечера вел беседы с Кирюшей Благим («путешественником») о святых местах, «житиях», «посланиях» и о прочем. А теми же вечерами — на окраине — парни и девушки вели «беседы» с венками и песнями в сумерках, осыпанных звездами, когда большие серебряные жуки с жужжанием ударяются о стволы деревьев.

Смирненную и замкнутую жизнь вел Велемир.

Так проходили мимо: любви медвяная зараза, воздух весен неотразимых — все шелковые утары лета.

Незадолго до посвящения в сан — заболел Велемир. Долго мучился. Тяжко бредил — все янычар пугал. Выздоровел. Но здоровье пропало. Поселился в деревне. В церкви служить стал.

Тут война началась.

Начало ее было — от маленькой розовой бумажки, что повисла на приходском заборе (приказ по армии и флоту), дальше — больше; и пошло, и пошло.

Замелькали недели, месяцы, годы; фронт, раненные, молитвы за убиенных; — вышла Россия из колен.

Серым гадким дымом заволакивало небо, и до боли в глазах вычитывали из газет слово: «мир».

А, однажды, утром отец Велемир, а потом и все — увидели: на белой мазанке, высоко у крыши чья-то рука вывела углем: рѣволюция». Пошумели. Покричали. Помахали красным. Сказали: — «войны больше не будет» — «кончилась». Пожили немного. А потом услышали, что нет, где кончилась, а пошла гулять по Руси. Усомнились было: — полно, так ли?

— Точно так. — Застрелкали пулеметы.

И пошла жизнь — «не жисть, а жистянка». Поредел скот. Избы пожгли. Народу поубивали — страсть сколько. Приходили. Уходили. Белые. Красные. И те, и другие били, грозились: — сожгут, разнесут.

И вот настала такая пора, когда уже никто не мог сказать, чья здесь была воля и власть. Разве, что петух, горланявший свою петушью резолюцию.

Тогда залегли над Русью темные-темные ночи.

Ох, ночи какие!

— Э-э-э-эх!..

Однажды, в сумерках, стоял отец Велемир у ворот. Глядел на дорогу. Шел по ней, не опеша, Кирюша Благой («путешественник»). А навстречу ему из-за поворота вышел человек. Ни белый — ни красный — ни зеленый — черный. Горбоносый, с кривым ножом — ятаганом. (Таким — скотину колоты). Обмер отец Велемир. Сразу узнал: янычар.

А человек шел, качаясь, словно тоскуя. Вдруг завопил: — Э-э-э-эх! — и, руки подняв, не сгибаясь, грудью — на землю. Поднялся. И опять? — Э-э-э-эх!.. Поровнялся с Кирюшей. Загородил дорогу. Не спеша, вытащил нож. Ударил, как будто нехотя. Сзади — крик, — обернулся: в корчах бился отец Велемир. Постоял. Рукой махнул. Дальше пошел. И опять: — Э-э-э-эх!..

В ту же ночь сгорел дом отца Велемира, а его, больного, перенесли к бабке Секлетее — причитальнице. (За сто уж ей перевалило).

Лежал на полатах отец Велемир. Смутно различал голоса мужиков. А было их в избе человек шесть. По ночам собирались, до утра играли в «кочко». Все-таки — вместе легче.